

Путь познания в антропософии¹

Я хотел бы приступить к описанию антропософского пути познания, который предлагает Рудольф Штейнер в книге «Как достигнуть познаний высших миров» («познания» указывают на неисчерпаемость познаний и количества высших миров) и в других своих основополагающих трудах. Помимо этого, следует иметь в виду, что параллельно с деятельностью по изданию своей книги Штейнер вел так называемую «эзотерическую школу», где под его руководством работали его непосредственные ученики. Извлечение их этих уроков, переведенное на русский язык, вошло в сборник «Наставление для эзотерического ученичества», также отражающий путь познания в антропософии.

Для начала стоит сказать о самом Рудольфе Штейнере. Он родился в Австрии, в 1861 г., в семье железнодорожного служащего. Особенность развития Штейнера заключалась в том, что он с детства обладал даром ясновидения. Учился Штейнер в реальной школе, где и ознакомился с начатками естественных наук. Одним из самых важных переживаний в школе для него стало знакомство с геометрией, о чем он вспоминает в «Моем жизненном пути»: «Через геометрию я в первый раз в жизни познал счастье». Геометрия открыла Штейнеру особый мир фигур, находящихся в постоянном движении, благодаря способности к видению сверхчувственным образом. Естественные науки, техника произвели впечатление на юного Штейнера, и тогда он поставил перед собой задачу: развить точное ясновидение, найти такие методы работы со своим даром, которые могли бы придать ему объективность и точность, присущие наукам.

После школы Штейнер некоторое время учится в Вене в высшем техническом училище, и в то же время его рекомендуют в качестве редактора и комментатора тома естественнонаучных сочинений Гете. В 1881 г. Штейнер испытывает некое мистическое переживание, переживание своего высшего «Я» (некоторые из последователей полагают, что этот момент и был посвящением), и он пишет об этом: «В ночь с 10-го на 11-е января я ни на мгновение не сомкнул глаз. До полвторого ночи я занимался некоторыми философскими проблемами, а потом, наконец, забылся сном. В прошлом году я стремился исследовать, правду ли говорит Шеллинг, когда пишет: “Во всех нас живет тайная, чудесная способность уходить из сиюминутного в наше глубинное, освобожденное от всего внешнего ‘Я’, и там, в сфере непреходящего, созерцать вечное в нас”. Я верил, и сейчас верю, что открыл эту способность в себе. Я подозревал о ее существовании уже очень давно. Вся идеалистическая философия предстает передо мной в эту секунду в новом виде. Что такое бессонная ночь перед таким открытием!»

Возможно, это был только лишь подступ к тому полноценному посвящению, которое он получит позже. Примерно в это время Штейнер встречается с двумя личностями, которых можно назвать учителями. Они дают ему импульс к дальнейшему прохождению жизненного пути.

Внешняя сторона его деятельности развертывается в тот период в изучении Гете и написании философских трудов. Два из них посвящены Гете: более ранний «Очерк теории познания Гете» и «Мировоззрение Гете». Параллельно он ведет работу над другой книгой – «Философия свободы», мотивы которой перекликаются с мотивами вышеназванных трудов. Необходимо кратко изложить основные идеи этих книг, потому что они образуют философскую базу антропософии.

¹ Доклад расшифрован Е.Киселевой по устному выступлению автора, отредактирован Я. Лучшевой и С.В. Пахомовым.

Штейнер в рассмотрении мировоззрения Гете говорит о типе, который поэт стремился воссоздать. В своих лекциях Штейнер нередко приводит примечательный разговор, который состоялся между Гете и Шиллером. Суть разговора заключалась в изложении Гете идеи прафеномена. Речь здесь идет не о первом феномене, который входит в ряд всех остальных, а о феномене, который присутствует во всех, но нигде полностью себя не выражает. Поэтому природа творит бесконечное множество форм, в основе которых лежит определенная – первофеноменальная – форма. Гете замечает в разговоре, что «если это идея, то тогда я ее вижу своими собственными глазами». И это может значить то, что Гете в изучении феноменального мира вышел на рубежи той самой имажинации, о которой будет сказано позже.

Что касается «Философии свободы», в которой Штейнер пытался обосновать возможность свободы человека путем наблюдения душевной жизни, в ней для нас важна идея моральной фантазии и моральной интуиции. Она формулируется Штейнером во второй части этого труда («Действительность свободы») в поисках позитивного ответа на вопрос о возможности свободы воли человека. Штейнер рассуждает о том, что, например, долг, который Кант выставляет в качестве нравственного категорического императива, не принадлежит к сфере свободы. То же самое относится и к разным нравственным принципам, которые навязываются человеком самому себе. Однако в случае с моральной интуицией происходит нечто иное: моральная интуиция, по Штейнеру, возникает в предлагаемых обстоятельствах «на один раз». Когда человек чувствует, что должен совершить какой-либо поступок, в работу включается моральная фантазия. Человек отводит от себя предлагающиеся изнутри варианты поступков рефлексивного порядка и отклоняет эти несвободные реакции, которые подталкивают его к несвободному действию. Именно тогда и приходит моральная интуиция, в которой человек может осуществить поступок, исходя из своей свободы. Для большей ясности можно сравнить моральную интуицию с художественной. Художественная интуиция предваряет создание определенного художественного произведения, являясь уникальным актом, поскольку при создании другого объекта возникает другая художественная интуиция. Моральная интуиция есть тоже творческий акт, происходящий «на один раз». Поэтому на основе данной моральной интуиции выстроить какой-либо кодекс моральных правил нельзя. Не столь важно, сколько моральных интуиций случилось в жизни человека, в любом случае человек переживает, что есть свобода.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению самой науки антропософии (от греч. *antropos* + *sophia*, «мудрость о человеке»). Естественно, антропософия не признана в системе действующих наук. Прежде всего, потому, что предмет ее – сверхчувственный мир и человек в его сверхчувственном составе – не является предметом, вообще допускаемым в системе действующего научного дискурса. Здесь возникает сразу вопрос о том, обладает ли антропософия признаками, которые отличают всякое научное познание? Например, подлежат ли проверке данные, которые Штейнер излагает в качестве результатов своих исследований?

Проверить результат любого научного исследования можно, только лишь зная способ, которым это исследование проводилось, и обладая возможностью воспроизвести его в предлагаемых условиях, подтвердить результаты или, может быть, их оспорить. В данном случае специфика положения вещей заключается в том, что, имея указанные Штейнером методы (главный из которых – развить органы восприятия в сверхчувственных мирах, имеющиеся у каждого человека), исследователь зачастую не располагает временем и упорством для работы с ними в долгой перспективе. Однако есть другой способ проверки, к которому часто прибегают историки, и заключается он в выявлении внутренних противоречий в источнике. Штейнер приветствовал такой критический подход к результатам своих исследований, сообщаемым в лекциях и трудах, как способствующий открытию учениками того, что неизвестно было ему самому.

Если говорить о понятийном аппарате антропософии, то он, с одной стороны, выработан самим Штейнером, и, с другой, частично заимствован из существующей эзотерики как Запада, так и Востока («карма», «акаша», «чакры»). Важно то, что из этого не должно следовать обвинение антропософии в несостоятельности, так как используемые ею понятия – всего лишь технические термины.

Кроме того, антропософская духовная наука придерживается, например, принципа причинности, но совсем иначе, чем это принято в конвенциональных науках. Причинно-следственные связи находятся на своем месте, когда речь идет о неорганической природе. Причем только в тех случаях, когда перед нами находятся механические процессы. Причины в антропософии, когда речь идет о явлениях органической природы, находятся уровнем выше своих следствий (как и «тип» Гете). Что касается общества, то причины – всегда в человеке, следствия же – вне его.

Мне хотелось бы сказать еще об одном моменте верификации, проверке на истинность в антропософии, которого нет в привычных науках. Этот метод – внутреннее убеждение в истинности того, с чем человек связывается, которое невозможно транслировать. Вместе с тем это явление при желании вполне могло быть подвергнуто статистическому учету.

Наконец, мы можем перейти к рассмотрению антропософского пути познания. Нет возможности пересказать средства, которые Штейнер предлагает для того, чтобы человек мог продвигаться по этому пути. Речь здесь идет о том, чтобы так же, как имеющиеся у нас обычные органы восприятия, развить органы сверхчувственного восприятия. Это так называемые «цветки лотоса», или чакры, которые имеют весьма определенную локализацию: двухлепестковый цветок лотоса выше переносицы, шестнадцатилепестковый цветок лотоса в области гортани, двенадцатилепестковый цветок лотоса в области сердца и ниже. Каждый из цветков лотоса обеспечивает различные виды восприятия в окружающем мире. Скажем, цветок лотоса в области гортани, если он развит, дает восприятие образа мыслей других людей, а также и некоторых процессов природы. Цветок лотоса в области сердца позволяет несколько глубже смотреть в человека и воспринимать непосредственно его душевный настрой. Я остановлюсь только на двух упражнениях, которые Штейнер предлагает в связи с развитием сверхчувственных органов. Одним таким упражнением в шестимесячном курсе Штейнера указывается «инициатива в действии»: смысл его в том, чтобы совершать какое-либо действие, не приносящее никаких прямых результатов, действие бескорыстное и в этом смысле бесцельное. По большей части все совершаемое проникнуто нашими желаниями. Более того, даже познание в области антропософии следует за прирожденной человеку жадной жизни, которую великий Будда усматривал в качестве причины всех человеческих невзгод. Но Будда проповедовал свой восьмеричный путь (кстати, в книге «Как достигнуть познаний высших миров» имеются тоже аналогичные восемь упражнений, но в модифицированном виде) для того, чтобы погасить жажду жизни и освободить человека от накопленного в прошлых жизнях, в антропософии же другой подход. Карма ищет свои возможности быть погашенной, ставит человека в такие обстоятельства, где это происходит. С ней бороться, может быть, и можно – на Востоке, но здесь, в этой мировоззренческой системе, не нужно. Следует создавать наряду с областью, где действует карма, жажду жизни, сферу свободы.

Другое упражнение, которое я приведу, практически вменяется в обязанность тем, кто следует этим путем. Это упражнение – вечерний обзор истекшего дня. Собственно говоря, это необходимый элемент гигиены душевной жизни. Суть его в том, чтобы произвести обзор истекшего дня в обратном направлении, от вечера к утру, что очень непросто. Прослеживая себя движущимся в течение дня в обратном порядке, человек, конечно, делает дискретные усилия и наблюдает себя дискретно. Но наступает момент, когда движение в обратном направлении становится скольльзящим и легким. Этот момент – одно из первых чисто сверхчувственных переживаний, когда происходит переключение

Я-сознания человека из области физической – области физического мозга – в область эфирного мозга.

Чтобы прояснить это, сделаем небольшое пояснение: у каждого человека имеется наряду с физическим телом заполняющее его эфирное, или же тонкое, тело. Оно пронизывает физическое тело, сообщает ему жизнь, потому также называется жизненным телом. Каждый орган внутри физического тела имеет свой аналог в эфирном теле, отсюда появляется используемое нами понятие эфирного мозга.

Итак, движение на этом пути сопровождается изменениями в сознании. Собственно, уже упражнение обзора истекшего дня в обратном порядке вводит в область так называемого имагинативного сознания. Имагинации (от слова *imago* «воображение», «образ») – это те образы, которые рисует себе сама душа при вступлении в непосредственное соприкосновение с духовной действительностью. Я не могу не упомянуть в этой связи нашего известного философа Якова Эммануиловича Голосовкера, который занимался исследованием логики мифа, мифологизирующего сознания и пришел самостоятельно к понятию имагинации. На основе углубления в мир имагинаций, которые лежат в основе всякой мифологии, он сформулировал законы имагинативного мира. Голосовкер понял, что имагинативная действительность – вовсе не статичные картинки. Он говорит о метаморфозе, которая постоянно происходит в имагинативной действительности.

Имагинация – это язык, которым действительность выражается гораздо полнее, чем с помощью наших обычных рассудочных средств познания. Имагинации насыщены смыслами, которые можно вычленять без ущерба для них, и знаменуют определенный момент душевного развития человека, новый уровень сознания. Но Штейнер различает свободную имагинацию и имагинацию, которая имеет несвободное происхождение и протекает при сознании пониженном.

А) *свободная имагинация.*

Здесь важно то, что человек, видящий такую имагинацию, может пронизать ее своими мыслями и противостоять ей. В этом смысле придается большое значение имагинациям, связанным с двухлепестковым цветком лотоса. И, по мнению Штейнера, для современного человека желательно обладать головным ясновидением, поэтому все упражнения в значительной мере ориентированы на него. Имагинации, которые встают в таком случае перед внутренним оком упражняющегося человека, поначалу бледные, и только постепенно приобретают цветовую насыщенность (о цвете можно говорить только условно). Относительно этих имагинаций нужно сказать, что их историческое развитие протекало очень своеобразно.

Б) *несвободные имагинации.*

Несвободные имагинации – те, которые возникают при пониженном сознании – это мир, который предшествовал возникновению рассудочного мышления. Причем даже первые греческие философы используют образы, характерные для людей имагинативного порядка (вода у Фалеса, огонь Гераклита).

В связи с этой интерпретацией мне хотелось бы привести пример такой фигуры, как София, Премудрость Божия. Я думаю, что речь идет о существе, реальном существе, которое ведаёт имагинациями. Премудрость заявляет о себе в «Книге притч» Соломона: «Когда Он уготовлял небеса, я была там». И дальше: «Когда полагал основание Земли, тогда я была при нем художницей». Перед нами встает проблема художественных имагинаций, лежащих, например, в основе больших произведений живописи. Штейнер утверждает, что русские иконы, следующие канону, сложившемуся на основе имагинаций, были *увидены* художниками. Художник в таком случае останавливает поток подвижных имагинаций, делая на полотне нечто вроде снимка. И мне кажется, что в том, что художник работает с имагинациями и переводит их на плоскость, заключена возможность собственно художественной интерпретации. Когда Премудрость говорит Соломону о том, что она была художницей при Боге, она, очевидно, имеет в виду, что весь сотворенный

мир был построен согласно имажинациям. Собственно говоря, в каждом человеке отпечатана его собственная имажинация, и благодаря способности имажинативного восприятия на полусознательном уровне, мы способны составить некоторое представление о впервые увиденной личности.

Возвращаясь к возникновению рассудочному мышления, приведу описание Штейнером существа, которое спускается из заоблачных высей и постепенно стареет. «Назовем это существо, - говорит он, - философией». Штейнер описывает, как существо воплощается в человечестве, начиная с VIII в. до н.э., в циклах по восемьсот лет. Первые восемьсот лет – до Христа; следующие восемьсот лет – до начала IX в. н. э.; третьи восемьсот лет – до 1600 г.; на наше время приходится четвертое восьмисотлетие. «Она (София) – говорит Штейнер – воплощается не в отдельном человеке, а во всем человечестве», сопутствуя процессу развития мыслительной деятельности. Но при этом происходит нечто такое, что можно расценить как жертву со стороны Софии, связанной с имажинацией, поскольку именно ценой ее погашения в людях развивается рациональное мышление. И затем качество рационального мышления постоянно меняется в указанных восьмисотлетних импульсах. В конце концов, в третьем восьмисотлетии наступает момент, когда люди чувствуют, что мысль – это их собственность, чего не было раньше, и люди начинают сомневаться в достоверности мышления.

Штейнер выстраивает систему душевных уровней развития человека: душа ощущающая – душа рассудочная – душа сознательная. Эти этапы проходит человечество в больших периодах времени, причем существуют народы, которые представляют до сих пор в основном душу ощущающую как народный элемент, другие – душу рассудочную (типичные французы), третьи являются носителями импульсов души сознательной. Но именно четвертое восьмисотлетие в развитии прохождения Софии через человечество совпадает с вступлением человека в стадию души сознательной. София, которая воплощается таким образом в душевной жизни людей, приобщается сама к новым качествам, развивающимся в людях. И, отказавшись от старых имажинаций, она в эпоху души сознательной приходит к свободной имажинации.

Дальше на пути развития в пределах антропософского способа познания наступает этап так называемой *инспирации*.

Человек на данном этапе должен погасить свои имажинации для того, чтобы в нем развилась новая способность – способность слышать. Он слышит, как звучат все предметы, животные существа и люди. Это звучание раздается внутри человека; таким образом, происходит процесс углубления познания во внутреннюю сторону. Можно привести в качестве примера звучание Солнца Гете: «Звуча в гармонии Вселенной и в ходе сфер гремя, как гром...». Собственно говоря, это было известно и пифагорейцам, которые говорили о музыке сфер.

И, наконец, третья ступень в развитии сознания. Это ступень так называемой *интуиции*. На ступени интуиции душа, которая вышла уже из тела, свободно ориентируется в сверхчувственном мире, и, чтобы познавать, ищет субъекта, для которого она могла бы стать объектом. Отклики этого мы встречаем в разных памятниках культуры. Например, апостол Павел пишет в послании: «Теперь (т. е. на земле – Г. К.) я знаю отчасти, а тогда познаю подобно, как я познан».

Описанный путь (путь, который человек проходит, ориентируясь на внешние чувства) – надежный и правильный путь, но есть несколько иной путь, который отличается, между прочим, и тем, что интуиция наступает сразу после имажинации. Кроме того, этот путь характеризуется присутствием моральных элементов, чего нельзя сказать о первом, ориентированном на природу. Отличия двух путей объясняются существованием покрова майи, сброшенного на мир нашими восприятиями. Более того, покров майи сброшен еще и с другой стороны – на внутренний мир человека. Этот покров простирается в момент пробуждения, когда мы, вместо того, чтобы своим пробудившимся сознанием проскользнуть внутрь своего тела, открываем глаза, и в поле зрения

оказывается совсем другой мир. То же самое при засыпании: у нас исчезает сознание, и мы не видим тот мир, в котором оказываемся. Собственно говоря, упражнения, которые дает Штейнер, направлены на то, чтобы внести свет в Я-сознание в оба мира. Хотя для того, чтобы внести свет сознания во внутренний мир, нужно приложить гораздо больше усилий.

В 1912 г. Рудольф Штейнер издал свой «Календарь душ». Он содержит 52 мантрических изречения, на каждую неделю года, качественно отличающуюся от другой недели. «Календарь душ» начинается с Пасхи весной и к Пасхе же он заканчивается. Собственно говоря, в этом «Календаре душ» описывается то, что переживается каждым человеком, который живет в течение года: от весны к лету, от лета к осени и зимой. В течение весны-лета мы вбираем свет, затем, переходя в осень, этот свет вносим внутрь себя. И на Рождество Солнце Духа может загореться внутри человека. Штейнер описывает, как в древних мистериях на Рождество видели солнце в полночь – это было видение и в макрокосмическом, и в микрокосмическом смысле.

До нас дошло изречение, которым автор «Золотого осла» Апулей заканчивает свой знаменитый роман:

«Достиг я рубежей смерти. Переступил порог Прозерпины
и вспять вернулся, пройдя через все стихии.
В полночь видел я солнце в сияющем блеске.
Предстал пред богами подземными и небесными
и вблизи поклонился им».

Путь, который ведет во внутренний мир – это путь к «нижним богам», и наоборот.

И в заключение я хотел бы рассказать об опыте, который тоже показывает, каким путем идет человек, если он попадает в сверхчувственный мир. В одной из своих ранних лекций Штейнер говорит, что в древности на Севере (на территории современной России) находилась знаменитая мистериальная школа, в которой люди приобщались к высоким мирам. Не трудно локализовать эту школу – это знаменитая в Греции Гиперборея, и нет других альтернатив, как только то, чтобы признать за нее Соловецкие острова. Штейнер рассказывает, что в этой мистерии осуществлялось хождение в лабиринте – лабиринте духовного мира. Действительно, на Соловецких островах мы находим большое количество каменных сооружений, имеющих вид извилин. Эти лабиринты в большом количестве находятся на Большом Заяцком острове.

Штейнер говорит о лабиринте духовного мира, из которого исходили силы, построившие мозг человека. В этой связи схема, например, Кандалакшского лабиринта напоминает головной мозг. В этот лабиринт входили двумя способами – слева и справа, причем второй путь являлся кратчайшим, однако ученикам следовало попасть в центр именно по левому, более долгому, пути. Я приведу одну мысль Штейнера: «Здесь, в физическом мире, мы говорим: прямая – это кратчайший путь между двумя точками. Мы стремимся попасть к цели и, конечно, из экономии сил стараемся проделать этот путь с наименьшей потерей. Прямой путь – самый эффективный! Но в духовном мире это будет самый длинный путь. А всякий другой – короче». Это можно интерпретировать в том смысле, что когда, находясь в духовном мире, мы преследуем некую собственную цель, мы не можем пройти напрямик, дабы правильно пройти так, как нас ведут линии этого лабиринта.

Таким образом, обозначив лишь некоторые (в силу неисчерпаемости самой темы) вехи духовной науки, антропософии, я попытался объяснить идеи, которые помогут прийти к понимаю антропософского пути знания.

Вопросы и ответы

Вопрос: В первый период своей жизни Штейнер встретился с двумя людьми, которые стали его учителями. Есть ли какая-то информация об этих людях?

Ответ: Есть. Один из них – Христиан Розенкрейц. Другой – тот, кого традиционно называют учителем Иисусом, это реинкарнирующийся постоянно Заратустра. Однако у Штейнера спросили однажды, уже когда он состоялся в качестве учителя: «Встречаетесь ли вы с ними?» «Я в этом не нуждаюсь», - ответил он.

Вопрос: Антропософия внесла вклад в развитие современной европейской культуры. О каких новых импульсах в педагогике, сельском хозяйстве, фармакологии вы можете сказать?

Ответ: Штейнер дал импульсы к развитию фармакологии. И у нас действуют две довольно мощные фирмы: Valeda и Valla, которые изготавливают очень эффективные лекарства, не имеющие побочных действий. Они пользуются большим спросом. А, например, косметика фирмы Valla востребована даже певицей Мадонной.

Что касается сельского хозяйства, то Штейнер в 1924 г. прочитал так называемый «Сельскохозяйственный курс», который содержит основы для ведения альтернативного сельского хозяйства – без использования химических удобрений, которые так отравляют нашу пищу. Продукты этого биодинамического сельского хозяйства тоже пользуются большим спросом.

Кроме того, Штейнер написал ряд статей по экономике, прочитал «Национальный экономический курс». В настоящее время существуют банки (так сказать, антропософские банки, но они называются иначе), которые работают несколько по иным принципам, нежели господствующие банки. Один из принципов банков, принимающих деньги вкладчиков на хранение – это обеспечение целевого расходования денег, доверенных вкладчиками банкам. То есть вкладчик дает свои деньги на хранение с оговоркой использовать их, допустим, на финансирование вальдорфских детских садов. При этом вкладчики согласны на более низкий процент. Не только, конечно, по этой линии идет развитие банковского дела. Недавно во Флоренции был большой съезд альтернативных банкиров, где были представлены, довольно неожиданно, даже представители мусульманских банков, которые, как известно, работают без процентов. Это то немногое, что я могу сказать о банковской сфере. Идеи Штейнера в области экономики пока что большого практического приложения не имеют.

И, наконец, вальдорфские школы, которых достаточно много в Германии, в скандинавских странах, в Голландии. В нашем городе есть две вальдорфские школы, и детский сад, где с детьми работают, не давая им преждевременно знания, которые они усвоят гораздо эффективнее, если они сохраняют свои живые силы, позже. И эта педагогика тоже пользуется большим признанием.

Я не упоминал еще о том, что есть такое искусство, как эвритмия. Это искусство движения, которое тоже восходит к Штейнеру. Оно получило большое развитие. Эвритмия – это не совсем танец, это движение, которое сопровождается либо стихами, либо музыкой; оно делает зримым музыку. Выражение «зримая песня» пошло от эвритмии, от музыкальной эвритмии, потому что она стала делать «зримой» музыку, потому что каждое движение кисти рук соответствует определенному звуку так же, как гласным и согласным при эвритмизировании стихотворения; возникает полнота впечатления, которой, может быть, не достает отдельно музыкальному или стихотворному произведению.

Вопрос: Вы говорили, что свободная имажинация - первая ступень развития сверхчувственности. А какие последующие, высшие способности?»

Ответ: Инспирация и интуиция.

Вопрос: Правильно ли я поняла, что когда человек идет по пути естественного развития, он проходит все три ступени, а когда он начинает идти по внутреннему пути, то инспирация куда-то уходит?

Ответ: Да, инспирация пропускается на внутреннем пути. Вероятно, ступень интуиции как-то компенсирует недостающее звено по этой линии. Но сложно об этом еще что-либо сказать. Кроме того, иногда Штейнер говорит о том, что последовательность прохождения этих ступеней не всегда у всех одна и та же. Скажем, музыкант скорее пробьется к инспирации, а художник – к имагинации. Кандинский очень интересовался идеями Штейнера. Известно, что в его библиотеке имеются книги Штейнера, испещренные его пометками. Собственно говоря, глядя на работы Кандинского, на работы Шагала, мы видим, что это – имагинации из области сверхчувственных переживаний. И даже глядя на работы Сальвадора Дали. Но только это демонические имагинации, имагинации из низшего астрала, скажем.

Вопрос: А разумное мышление как-нибудь задействовано в этом процессе?

Ответ: Штейнер говорит, что логика, которую человек использует, во всех трех мирах (физическом, душевном и духовном) одна и та же. Единственно только, что нужно сделать поправку: мы используем обычно формальную логику, которая ориентирована на предмет отношения в предметном физическом мире. А здесь речь идет о логике сердца. И поскольку она везде одна, то это сообщает единство познавательного процесса. Но да, люди мыслят все-таки иначе. Собственно, имагинация – это мышление, но другое. Оно пронизано этой логикой.

Вопрос: Что вы имели в виду, когда говорили о богах? Штейнер говорил о логике, логике имагинативного образа?

Ответ: Я говорил о Софии, о премудрости божьей, которую можно понять. Конечно же, это и имагинативные образы тоже. Но это – реальные индивидуальные существа, такие же, как мы сами, только гораздо более могущественные, существующие индивидуально в духовном мире. Их много.

Вопрос: То есть, это не образы, которые строит наша душа при восхождении по этим трем ступеням развития, а все-таки объективно существующие сущности?

Ответ: Когда душа сталкивается с ними, она может нарисовать имагинативный образ. Но когда она восходит по ступени интуиции, то она ищет этот субъект, это существо, которое познает ее. И поскольку она – микрокосм, это существо извлечет из микрокосма человека те знания, которые в нем заключены уже изначально. Сам человек не может это сделать, поэтому он нуждается в том, кто его познает. Я вас адресую к Дионисию Ареопажиту, который описывает девять ступеней иерархических существ, возвышающихся над людьми. Это индивидуальности. В каждой иерархии находятся индивидуальности, которые сами находятся на различных уровнях могущества, особенностей, развития. Человек – это будущая десятая ступень.

Вопрос: Чем различаются несвободная имагинация и свободная имагинация?

Ответ: Несвободная имагинация отличается пониженным сознанием. Вы просто что-то видите, и все. И вам этого хватает. Свободная – вы можете пронизать эту имагинацию своим отношением и своим мышлением.

Вопрос: Известно ли что-то о причине конфликта Штейнера и Кришнамурти? Известно, что Штейнер очень негативно отзывался о нем.

Ответ: Конфликта между Штейнером и Кришнамурти не было. Дело в том, что Кришнамурти выдвигали на роль мирового учителя Христа. Вот этого (оснований

выдвижения) Штейнер принять не мог. Потому что его наука – христианская наука. Штейнер в 1890-х годах пережил встречу с Христом. Кришнамурти не мог быть Христом, потому что, по Штейнеру и, собственно говоря, по всем христианским верованиям, Христос воплотился на земле один раз. Он не приходит повторно в физическом теле.

А Кришнамурти, как известно, сам распустил потом общество «Звезды Востока», которую для него создали, и пошел совсем по другому пути. Поэтому был конфликт, можно сказать, Штейнера и Анни Безант, главы теософского общества, которая поднимала так Кришнамурти.

Вопрос: Что вы можете сказать о современном состоянии антропософии в Санкт-Петербурге и в России?

Ответ: Антропософское движение развивается волнами. Высокая волна была при жизни Штейнера, в 1920-е годы, затем, в 1930-е гг. начинается спад. Низшая точка – 1950-е годы. В 1960-е годы – новая волна подъема. В эти годы к антропософии пришли многие люди в России, которые сейчас уже в моем возрасте, надеюсь, продолжают действовать в уже более молодом кругу. Сейчас опять спад. Причем не только в России, но и вообще в антропософском движении в мире сокращается число членов антропософского общества. Сейчас общее число их в мире – 47 тысяч. Но людей, которые занимаются антропософией, гораздо больше, конечно. Не все, кто ей занимается, вступают в общество, по разным соображениям. Сколько в России членов, сказать затрудняюсь, но не думаю, что больше тысячи. В основном, в Петербурге, в Москве и в некоторых крупных областных городах. Там, в основном, где возникли вальдорфские школы, вокруг которых и развивается движение в провинции.

Вопрос: Как правильно переводить: Штейнер или Штайнер? В разных переводах звучит по-разному.

Ответ: У нас традиционно было принято – Штейнер. Так, с этим написанием, появлялись его первые книги в начале 20-го века. Для этого были основания. Во-первых, русская культурная традиция такова, что в немецких словах дифтонг «ei» буквально читают как «ей». Но со Штейнером еще особый случай, поскольку он австриец. А в Австрии дифтонг «ei» звучит не как «ай» в Германии. Скажу, что литературоведы, которые занимаются «серебряным веком», придерживаются написания «Штейнер». Но мы часто слышим «Штайнер», и появляются издания трудов его тоже в этой транскрипции

Вопрос: По поводу встречи Штейнера с Христианом Розенкрейцем-Заратустрой: у последователей других школ были подобные встречи, скажем, с другими лидерами, представителями высших миров?

Ответ: Относительно Христиана Розенкрейца и его появления. Христиан Розенкрейц, по Штейнеру, однажды выступал совершенно открыто на европейской сцене. Это был граф Сен-Жермен. Он играл исключительную роль в европейской политике XVIII в., главным образом стараясь создать внутри Европы равновесие и предотвратить французскую революцию. Есть хорошая книга о графе Сен-Жермене, написанная Иреной Тецлав. Она издана в русском переводе в Москве.

Обычно Сен-Жермен, т. е. Христиан Розенкрейц, реинкарнируется, как считает Штейнер, в каждом столетии. Это такой уровень, такая высота, когда великие посвященные только служат миру. А действовать активно на уровне человеческого сообщества они могут, только будучи в физическом теле. Он (Розенкрейц) был учителем Блаватской. Это единственный случай такого контакта Сен-Жермена, который известен мне. Что касается самого Штейнера, то мы имеем об этом сведения косвенные, которые он сообщил о себе Эдуарду Шюре, автору книги «Великие посвященные».

Вопрос: У меня вопрос об истоках антропософии. Известно, что, помимо работ Гете и Ницше, огромное влияние на Штайнера оказали концепции Эрнста Геккеля и Макса Шелера. Насколько это обосновано?

Ответ: Да, Геккель оказал влияние, поскольку он дал некоторое развитие дарвинизму, в лучшем смысле. У него есть идея о том, что онтогенез повторяет филогенез, т. е. развитие особи повторяет развитие вида. И скажем, человеческий эмбрион проходит еще в утробе матери стадии физического развития, которые человек действительно проходил в прошлом. Это вполне реальная идея, которая воспринята и развивается Штейнером, когда он описывает космогонический процесс и становление человека как физического типа. Что касается Макса Шелера, то идея моральной интуиции и моральная фантазии – это идея, которой сам Штейнер дает название «концепция этического индивидуализма». Шелер развивал примерно те же самые идеи, с выходом в анархию, причем в анархию в позитивном смысле. У Штейнера был период, когда он тесно соприкасался с представителями шелеровского направления, в Берлине в 1890-х гг. Однако он развил свою собственную концепцию о трехчастном развитии социального организма. Но думаю, сейчас об этом не стоит говорить подробно.

Вопрос: На ваш взгляд, и на взгляд Штайнера, что происходит с человеком, когда он познает высшие миры? Основная цель – быть пробужденным? И если это так, то был ли пробужденным сам Штайнер? И предполагает ли пробужденность в таком смысле полное отсутствие омраченности и знание будущего, в том числе?

Ответ: Человек становится гражданином сверхчувственного мира. Обыкновенно человек, у которого пробуждено Я-сознание (а оно у всех нас пробуждено), является гражданином вот этого, земного мира. По мнению Штейнера, задача антропософии, сущность этой духовной науки в том, чтобы распространить Я-сознание на духовный мир. Но это трудно. Если это происходит, то человек становится равноправным гражданином духовного мира, наряду с другими индивидуальностями – обитателями этих миров.

Есть еще одно описание пути – на основе розенкрейцерства. По существу, розенкрейцерский путь развития – то же самое, что и антропософский, но описан в иных терминах. Завершающая, седьмая ступень характеризуется как «блаженство в Боге». Но это не значит, что человек не возвращается назад. Он просто достигает такого состояния, когда вопросы у него прекращаются. «Вопросы о первопричинах, – говорит Штейнер, – прекращаются, когда первопричины созерцают». Вот это и есть «блаженство в Боге», насколько я понимаю. О себе Штейнер как о «блаженном в Боге» или «пробужденном» не говорил.

Вопрос: Почему он не смог предотвратить пожар Гетеанума?

Ответ: Дело в том, что если человеку дано видеть то, что произойдет, он лишен возможности участвовать в предотвращении этого. Если такому посвященному, каким был Штейнер, дано видеть предстоящее будущее, он лишается возможности участвовать в предотвращении этих событий. И, тем не менее, это была своего рода жертва. Он понял, очевидно, что этого не избежать.

Вопрос: То есть если есть знание о будущем несчастье, знающий лишается возможности предотвратить событие, когда это касается его самого, его личного пути, его личной жизни? Или же он просто не может влиять на предотвращение ситуации?

Ответ: Во всех случаях. Даже тогда, когда знающий может способствовать или предпринимать попытки предотвращения какого-то события не для себя, а для других. Он может это сделать, не зная, не будучи посвящен в то, что произойдет, а исходя просто из человеческих побуждений; он может помогать, конечно. Но, получив знание о том, что произойдет, он тем самым лишается возможности предотвращать или даже предупреждать, потому что то, что происходит, должно произойти.

Вопрос: Встречается литература, где упоминается о связи идей Штейнера с идеями фашизма, и там говорится о том, что он, по крайней мере, на ранних стадиях сотрудничал с представителями общества «Аненербе», мистиками и идеологами «великой нации» – это верно или нет? Не использовали ли они его идеи о «внутренней земле», «внутренней почве»?

Ответ: Это неверно! Эти представители были враждебно настроены по отношению к Штейнеру. Известно о случае, когда они собирались устроить дебош и его самого избить, и ученики постарались увести Штейнера из зала. Это случилось в Мюнхене. А идей о «внутренней земле» у Штейнера нет.

Недавно журналистка Сьянова, которая выступала по радио «Свобода», сообщила неожиданно, что она работала с трофейными материалами немецкого генерального штаба, и что пожар первого Гетеанума устроил Гесс и команда близких ему сподвижников. Проверить это не удалось, сама Сьянова утверждает, что она основывается на документах. В конце концов, Антропософское общество было запрещено в нацистской Германии, вальдорфские школы закрыты. Все это стало возрождаться там только после 1945 г.